

г. МОСКВА

Мой партнер — кукла

— первое, что отмечаешь на спектаклях Ленинградского Большого театра кукол, — это большую доверительность в общении актера и куклы. Доверие предполагает многообразие и глубину отношений, в этом и кроется основа успешных творческих поисков ленинградских кукольников.

Заглянем сразу же после первого звонка в зрительный зал. Два задистого вида петуха строгим взглядом предупреждают: «Без суеты! Спектакль начинается!». Весело раскачивается часовой маятник, он же — печать, за которой вскоре отправится в путешествие командированный собратом Иван-дурак. Один из актеров неторопливо накручивает ручку старого патефона, распеваящего песню про Козла отпущения, неприкаянно бродит по сцене другой, пока не вступит в задушевный разговор с куклой-Иваном, героем исподволь начинающегося представления «До третьих петухов» В. Шукшина.

Все реально, но и сказочно. Серьезно. Но серьезно до смехотворения! И стало быть, зритель уже настроен на определенную волну и готов принять участие в разговоре о его, зрителя, проблемах... Этот разговор поведут Илья Муромец, Онегин, Обломов, Бедная Лиза... Пора давать третий звонок.

Судя по всему, ленинградцы раз и навсегда решили устранить от бессмысленных споров по поводу степени участия «живых» актеров в кукольных представлениях. Нужны куклы — будут куклы, но будут актеры, если нужны они, а то и вместе — в едином

ансамбле. Это уже позиция, результат которой — яркое, праздничное театральное зрелище, синтезирующее все многообразные средства выразительности.

«Клоп» В. Маяковского — спектакль-плакат. Организованной волей Лица от театра, крупными мазками рисует он сцены бездумного разгула «бывшего рабочего, бывшего партийца, ныне жениха» Пьера Скрипкина. И, казалось бы, чего проще — свести на нет жалкие обывательские потуги кукольных «скрипкиных», если противостоит им живой актер, вооруженный пламенными строчками пролетарского поэта. Однако театр отрицает «кукольность» конфликта, пережившего десятилетия. Лица и маски меняются местами. И пьяная свадебная оргия, в которой вместе с куклами закружатся сами актеры, будет испепелена... огнем сигареты Владимира Маяковского (известная фотография поэта оживает в спектакле).

Быть только кукловодом в этом театре нельзя. Специально разработанная музыкальная партитура (в спектаклях используется музыка Баха, Бартока, Шопена, Колкера, Вайсбурда, Цветкова и других), большое количество песен, танцевальных номеров, сцен, решенных средствами актерской пластики, предполагают всестороннюю подготовку артистов ленинградского БТК. Стоит ли, удивляться, с какой

легкостью преодолевают они заданную режиссером многоплановость действия, открыто идут на обнажение приемов, их пародирование.

Меньших успехов добивается театр там, где не в полной мере использует свой накопленный опыт. Явно не хватило сатирической остроты спектаклю «Похождение braveго солдата Швейка» по Я. Гашеку. Иллюстрируя забавные приключения незадачливого солдата, спектакль так и не вышел на уровень значительного публицистического обобщения, что присуще спектаклям «Клоп» и «До третьих петухов».

В чем же дело? А в том, наверное, что по проторенной дорожке отправились в этом случае ленинградцы. Швейк смею сам по себе. Сам по себе он — пародия, карикатура и... кукла. Именно поэтому амателство куклы настоящей предполагает «оживление» персонажа, драматизацию во избежание сценической тавтологии.

Детские спектакли ленинградцев — не просто дань возрасту зрителей. «Мальчиш-Кибальчиш» А. Гайдера, «Сказка про Емелю» Б. Сударушкина, «Волк и козлята» Н. Йорданова — яркие представления, отражающие основные направления творческого поиска коллектива. Настоящий пионерский почетный караул, что стоит перед гайдаровским спектаклем возле легендарной бу-

деновки, настраивает зрителей на волнующее восприятие известного сюжета. Форма сценической выгородки представляет собой алый стяг боевого знамени. Это же знамя уведет на войну сначала отцов и братьев, потом мальчишей. Оно же будет отражать атаки буржуинских полчищ. Маленькие зрители легко принимают предложенный театром образ. Ведь несколько минут назад они видели своих сверстников, стоявших на авансцене в красных галстуках.

Куклы любят смеяться, иронизировать и острить; и еще они очень любят своих помощников — просто жить не могут без того, чтобы постоянно не ощущать верную, талантливую и умную руку своего наставника-актера. Добрые плоды приносит такое наставничество. Об этом думаешь, когда смотришь иллюзиониста Мэки-мэссера, «стереоскопический» полет белого лебеда или укрощение давно уже ставшего любимцем публики бенгальского тигра («Не хочу — не буду!») в режиссуру «В 12 часов по ночам» М. Гиндина и Г. Рябкина. Но стоит лишь на мгновение ослабить эстетический контроль за игрушечными существами — и в своем усердии они легко перейдут границы хорошего вкуса. Как, скажем, четверо грудных младенцев («В 12 часов по ночам»), распеваящих на все голоса «таежные страдания по канистре спирта», или дочь Ба-

бы-Яги («До третьих петухов»), до одури озабоченная проблемой продолжения рода нечистой силы, — эти и ряд других моментов, кажется, чужды спектаклям БТК, отличающимся высокой театральной культурой. Сам Василий Шукшин, кстати, замечал по этому поводу: сцена, кино — увеличительное стекло по сравнению с литературным первоисточником, они требуют особой осторожности при обращении.

Постановщик спектаклей, которые привезли ленинградцы москвичам, — главный режиссер театра В. Сударушкин. Поиски на перекрестке театральных жанров определили убедительные победы руководимого им театра, отметившего недавно свой полувек юбилей. Созвездие замечательных актеров — И. Альперович, В. Киселева, В. Кукушкин, В. Кузнецов, Л. Донскова, В. Мартынов, В. Никифоров и другие — патриотов своего театра, энтузиастов не всем привычного партнерства с куклами, повело театр по второму пятидесятилетнему его истории.

...Как известно, все основные чудеса происходят в определенное время и непременно заканчиваются с третьими петухами. Ленинградские кукольники познали секреты чудес. А значит, мы вправе ожидать их в любое время, независимо от петушиных подсказок.

В. ПОТАПОВ.